

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ДАРОВОМ, ИЛИ О СПОРЕ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В 20-е ГОДЫ

История первого музея в Даровом достаточно загадочна. В научном сообществе ходит ряд слухов, например, об основании музея по личному распоряжению Луначарского. Не известны ни точные даты, обозначающие вехи жизни музея, ни концепция музея, ни документы, подтверждающие во многом предположительные на сегодняшний момент сведения о существовании музея.

Между тем в Центральном государственном архиве Московской области содержатся письма, во многом проливающие свет на жизненную коллизию первого музея в Даровом. Речь идет о фонде Московского отдела Народного образования, в котором содержится «Переписка с Главмузеем и Каширским Уисполкомом об охране Усадьбы-музея “Даровое”, принадлежавшего писателю Достоевскому» (Ф. 966, оп. 3, № 80). Крайние даты документов, входящих в дело, – 2 мая 1923 года и 9 июля 1926 года.

Большинство документов представляет собой копии бумаг, циркулировавших между различными заинтересованными министерствами и ведомствами (Наркомпрос, Наркомзем, Уисполкомы, Главмузей, Моссовет и т.д.) и осевших в ЦГАМО – центральном хранилище Московской области. Напомню, что на тот момент область была единицей более крупной, нежели губерния (близкая к нынешнему Центральному федеральному округу) и включала в свой состав Тверскую, Рязанскую, Тульскую и Владимирскую губернии. Поэтому, несмотря на нахождение Дарового в Тульской губернии, а Зарайска – в Рязанской, все эти территории относились к Московской области.

Итак, 2 мая 1923 года племянница Ф. М. Достоевского обратилась с просьбой к Зарайскому отделу по делам музеев с просьбой ходатайствовать перед Л. Каменевым и А. В. Луначарским о

национализации усадьбы с целью создания в ней музея. М. А. Иванова предлагает модель музея, ссылаясь на опыт национализации усадьбы Д. В. Григоровича в Дулебине (тогда еще Каширского уезда). При этой модели бывший владелец усадьбы становился заведующим музеем и, таким образом, продолжал жить в своем доме, просто не обладая больше правом собственности на него (ср. ситуацию с Ясной Поляной).

Однако дело в том, что правом собственности Иванова, по сути дела, уже и не обладала, что видно из того же обращения: «В настоящее время усадьба Достоевского состоит в распоряжении Управления Каширской группы Главсовхоза <...>. Не исключена возможность передачи этой усадьбы вместе с садом от меня какому-либо иному лицу для эксплуатации сада...» (Л.2). Иначе говоря, правообладание Ивановой было достаточно спорным фактом. Со стороны Каширских властей оно явно не признавалось. Поэтому попытка национализации, осуществленной через республиканский центр, была еще и последней возможностью сохранить целостность усадьбы. В том же прошении Иванова заявляет краеугольное условие – неделимость территории имения: «Прошу <...> ходатайствовать, <...> чтобы усадьба <...> была национализирована вместе с садом, парком и огородом (всего в количестве десяти десятин) и передана мне на хранение...» (Л. 2).

Обратим внимание, что Иванова даже не информирует Каширский Главсовхоз, которому *de jure* принадлежит спорная территория, о своем прошении. Рассчитывает она явно на письмо в Каширу «сверху». И действительно, сперва все идет как нельзя лучше. Уже 22 мая 1923 г. приходит письмо из Отдела музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса, в котором сообщается:

«...имение “Даровое” признано неприкосновенным памятником историко-художественного значения и находится в непосредственном ведении Отдела музеев. <...> Отдел просит поставить в известность подведомственные ему органы власти о недопущении в указанном имении всякого рода порубок и хищений...» (Л. 3). Имение вроде как было национализировано, выведено из сельскохозяйственного оборота, что давало возможность начать создание музея. Наблюдательный контроль (de jure усадьба сперва была отнесена непосредственно к Главмузею) был отдан Зарайскому Умузею (Л. 3). В июне 1923 года формируется план развития усадьбы, опись построек и земель, земельная схема усадьбы, ее «официальная» история.

Однако уже к декабрю 1923 г. начинает всплывать проблема правообладания. Выясняется, что копия письма от 22 мая 1923 года, установившего право собственности Наркомпроса, не дошла до Каширского Уземотдела. Поэтому 11 декабря 1923 года заведующему Отделом по делам музеев приходится писать официальный циркуляр в Управление землеустройства с просьбой «...дать распоряжение Каширскому Уземотделу о незаключении каких-либо договоров на означенное владение» (Л. 13). Здесь же сообщается, что Даровое включено в список 43-х охраняемых садов и парков РСФСР. Забегая вперед, отметим, что проблема земельного спора окажется неразрешенной еще в мае 1926 года. Более того, в мае 1926 г. выяснится, что Каширский УЗО так и не получил известия о переводе земель в Даровом из его ведения в республиканское (Л. 26).

Параллельно неразрешенности землеотвода с августа 1924 года начинает набирать обороты другой конфликт, между М. Ивановой и даровскими крестьянами. Как мы помним, племянница Достоевского настаивала на мемориальном характере сада и его неотделимости от парка и собственно усадьбы. Но с юридической точки зрения факт вхождения сада в музей был достаточно спорен. Дело в том, что Иванова просила национализировать то, что принадлежало ей.

Но сад до 1921 года принадлежал местным крестьянам и лишь был передан ей в управление Каширским Главсовхозом. М. А. Иванова смогла в 1921 году убедить чиновников в хищническом отношении крестьян к садовым деревьям. Однако был ли сад национализирован вместе с усадьбой?

Судя по всему, Каширский Уземотдел не знал / признавал этого факта. Во всяком случае, эта организация в 1925 году видит усадьбу принадлежащей к собственной территориальной подструктуре, к Достоевскому ВИКу (Волостному исполнительному комитету). Главнаука, которой 16 апреля 1925 г. передан музейный комплекс, почему-то как бы признала законными притязания ВИКа: «Главнаука Наркомпроса не встречает возражений против хозяйственного использования со стороны кого-либо усадьбы “Даровое” ... но лишь при условии, чтобы со стороны Достоевского ВИКа были приняты в самом срочном порядке меры к сохранению в целостности названной усадьбы» (Л. 24). Обратим внимание, что под «кем-либо» здесь понимается именно Достоевский ВИК (иначе «Артель им. Достоевского»).

Однако претендовал на сад не только Каширский уезд, но и местные крестьяне, распорядившиеся садом некоторое время до 1921 года. Если М. А. Иванова отказалась от своей собственности в пользу государства, то не должны ли были вернуться к крестьянам права на сад, переданный ей *в управление*?

По-видимому, этот вопрос сильно начинает «мучить» крестьян с августа 1924 года, когда появляется первый крестьянский донос (по тональности) на М. Иванову. Центральной темой его служит как раз возвращение сада: «...ходатайство перед властями о восстановлении прав гражд<анского> Даровского общества на право пользования садом при сельце Даровом, который в настоящее время находится в единоличном и бесконтрольном пользовании, не оплачивается никакими государственными обложениями и налогами бывшей помещицы М. А. Ивановой» (Л. 14 – 14 об.). Более того, крестьяне упрекают хранительницу в мошенничестве: якобы она

лишь фиктивно передала дом государству, чтобы не платить налоги и получать пенсию, но при этом не охраняет сад, а получает с него доход: «Кроме большого дохода с сада получает пенсию в размере 37 р. 50 коп. в месяц, пользуется нормой пахотной и луговой земли...» (С. 14 об.).

Донос появился не на пустом месте. Требования крестьян были сформулированы в «Протоколе общего собрания граждан селения Даровой» от 30 июля 1924 года. В нем формируется инициативная группа из 5 человек (Макаров А., Чупряев Р. Ф., Чухнин Г. Н., Макаров Т. Д., Милованов Я. Л.), которой поручается ходатайствовать перед Зарайским отделом Археологического общества о передаче «под ответственную охрану всех усадебных и хозяйственных построек, парка и сада» (Л. 15). Иначе говоря, «отвоевать» сад – это минимальная задача, тогда как максимальная – захват всей усадьбы. Ходатайство оформляется 6 августа. В нем инициативная группа берет на себя обязательство – отчислять определенный процент доходов (согласовать который и предлагается) на ремонт дома и поддержание парка. Тем не менее 8 августа 1924 г. заведующий Зарайским музеем решительно отказывает крестьянам.

19 августа А. М. Макаров, находящийся в следственном изоляторе им. Дзержинского, пишет все же повторный донос на Иванову. В нем ставится под сомнение родство М. А. Ивановой и Ф. М. Достоевского, говорится о контрреволюционной деятельности заведующей усадьбы, а также повторяется требование передать сад крестьянам. Причем «классовой звучание» требования еще более усиливается: «Передать фруктовый сад всех 4,5 дес. и <разрешить> пользоваться травой из сада в распоряжении всех граждан села Дарового, представив привилегию беднейшим, бессадовым крестьянам» (Л. 20). Здесь же содержится обещание создать в одной комнате дома музей и избу-читальню.

Требование крестьян опять отвергается, уже в Москве, откуда 21 августа 1924 г. присылается некая «Справка». В ней сообщается, что начато официальное расследование «деятельности заведующей

Ивановой», но при этом «...ни фруктовый сад, ни части строений в имени “Даровое”, ни другое какое-либо имущество не может быть передано кому бы то ни было без ведома и разрешения Музейного отдела» (Л. 17 об. – 18).

В октябре 1924 г. резко ухудшается состояние здоровья Ивановой. При этом Зарайский Уисполком, к которому по линии Главмузея приписана усадьба, не имеет права на охрану территории, потому что последняя находится не в Зарайском, а Каширском уезде. Поэтому 18 октября появляется просьба об организации охраны усадьбы, парка и сада, направляемая впервые за всю историю музея напрямую в Каширу. Тем самым признается факт отнесенности Дарового к Каширскому уезду и каширским властям, а заодно и к местной власти, Достоевскому ВИКу.

Каширские власти, естественно, не принимают никаких мер к охране учреждения, созданного в обход них и вопреки им. Между тем М. А. Иванову перевозят в Чермашню (Л. 26). В Даровом образуется полный вакуум власти при чрезвычайно запутанной имущественной ситуации. На этот момент не определены границы музея, но сформированы три организации, имеющие права на всю территорию: Главнаука (ей передан музей от Главмузея), Даровской ВИК и Даровское общество. В этой ситуации разворачивается неконтролируемое «хищение вековых лип» (Л. 26).

Главнаука сперва пытается «отбить» натиск Даровского ВИКа на том основании, что ходатайство об эксплуатации сада Даровским обществом было возбуждено раньше, в июле 1924 года. Тем самым косвенно признаются ранее категорически отвергаемые требования Даровского общества и спорный статус усадьбы. Главнаука, стремясь «уйти» от претензий Каширы, просит «ускорить сообщение условий сдачи сада на арендных или договорных началах Даровскому обществу» (Л. 26). Тем самым Наркомпрос, по сути дела, признал или отсутствие у него прав на Даровое, или же бессилие в фактическом

контроле над музеем.

Так или иначе, но 20 мая 1926 года в решительное наступление перешел Каширский Уисполком. Было принято постановление (протокол № 28), который положил конец спорам о судьбе земли, на которой располагался музей: «Принимая во внимание, что находящийся в ведении Зарайского отделения Главнауки сад в бывшем имении писателя Достоевского, ввиду престарелого возраста и своего состояния никакой исторической ценности не представляет и что со стороны Отделения Главнауки отсутствует соответствующий надзор, просить Президиум Моссовета войти в ходатайство перед соответствующими организациями об изъятии Даровского сада из ведения Зарайского отделения Главнауки и передаче в доходную статью местного значения» (Л. 30 – 30 об.). Это решение и было утверждено 4 июня 1926 года Президиумом Моссовета (№ 9589). Может показаться, что относилось оно лишь к саду. Но как мы помним, изначально Иванова

доказывала единство и неделимость усадьбы. Эту позицию от нее перенял Наркомпрос. Лишившись сада и оставшись без первоначальной концепции развития, Главнаука, по-видимому, лишилась всякого стимула «защищать» эту территорию. Поэтому 9 июля этим ведомством было принято решение о передаче усадьбы в ведение Мосгубмузея с важной пометой – для исполнения решения Моссовета. Было произведено типичное «недружественное поглощение»: усадьба передавалась не для развития, а для ликвидации в ней музея.

Обобщая сказанное выше, мы можем выделить три фактора – неопределенность территориальных границ усадьбы, неопределенность правообладателя и стремление к неделимости территории любой ценой, – совокупность которых привела к многогранному «конфликту хозяйствующих субъектов». Этот конфликт, на наш взгляд, привел к гибели первого музея в Даровом.